

**МАТЕРИАЛЫ
III СЪЕЗДА КРАЕВЕДОВ
ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ**

Том 1

Панченко Г.В. Шуя и ее жители в воспоминаниях Е.И. Шемякиной//
Материалы III съезда краеведов Ивановской области. Т. 1. Иваново-Шуя.
2008. С. 235-244

Воспоминания Евдокии Ивановны Шемякиной, жены купца Василия Ивановича Шемякина, «Жизнь буржуйки» хранятся в личном архиве её потомков, проживающих в Кинешме. Ксерокопия машинописной копии воспоминаний была передана Шепелевой Н.Р. в Кинешемский художественно-исторический музей, а оттуда (благодарим за сотрудничество Н.Н. Григорьеву) попала также в архив Плесского музея-заповедника. «Жизнь буржуйки», датированная автором 1953 годом – замечательное произведение, являющееся и уникальным по своему значению историческим источником, и талантливым образцом мемуаристики, написанным искренним и эмоциональным человеком. Воспоминания насыщены фактами, касающимися истории Шуи, Плеса, Кинешмы, в них, как в капле воды, отражена история России того времени.

Евдокия Ивановна Шемякина родилась 5 января 1880 г. в семье шуйского купца Ивана Ивановича Турушина. В связи с этим значительная часть ее воспоминаний посвящена Шуе и ее жителям, в частности Турушиным.

Евдокия Ивановна пишет: «Семья была большая: дедушка, бабушка, папа, мама, девятеро ребятешек, в том числе и я, Дуня. Дедушка, папочка были оба высокие, широкоплечие и полные. По характеру совсем разные. Дедушка, суровый с виду, был очень добродушен, он любил посидеть на лежанке в нашей детской, когда подросли, любил поиграть с нами в дурачки, свои козыри, стукалку: приносил медные деньги, раздавал их нам и всегда оставался в проигрыше. Водил он нас в цирк Никитина, бывало, возьмет четверых, пятерых и усядется с нами на высокой лавочке, сам седенький с длинной окладистой белой бородой. Дедушка часто оделял нас мятными и медовыми пряниками, дешевой

пастилой. Никогда, бывало, не ест один, а любил, как и мы, полакомиться. Катю и меня взял один раз с собой даже на диспут между староверами и нововерами. Мне было лет 10, Кате 11. В самый критический момент, когда страсти разгорелись у споривших, и публика затихла, слушая, дедушка вдруг начал чихать; мы ему шепчем: «Дедушка, дедушка, потри переносье», – (на нас оглядываются), а он не слышит, да еще шибче, раз двадцать подряд! В зале заулыбались, засмеялись, напряжение разрядилось, страсти улеглись, спор затих, и прения кончились.

Папочка был горячий, вспыльчивый, строгий, а, в сущности, очень любящий нас отец. Когда он был болен или не в духе, меня посылали к нему. Я шабарила, разбирала волосы у него на голове или читала ему вслух газету, пока он не засыпал. Выпивал он только с гостями в большие праздники, именины и то немного. За свою жизнь я видела его пьяным только два раза. Пьяный, он делался таким добрым, щедро оделял прислугу и шутил со всеми.

Мамочка полная, добрая, ко всем нам ровная, её мы не боялись совсем, как и дедушку. Когда расшалимся очень, случалось, раздеремся, стоило крикнуть: «Папа идет», – как все притихали. Мама научила нас молитвам, вышивать крестиком по канве и вафле, вязать и шить немного. Порой, чтобы мы уж не больно шумели, она собирала нас около себя и, взяв кружево, рассказывала нам сказки или говорила стихи. Любимой ее сказкой была «Про сестрицу Алёнушку и братца Иванушку», а стихотворением – «Сиротка», оно начиналось: «Вечер был, сверкали звезды, на дворе мороз трещал; шел по улице малютка, посинел и весь дрожал» и т.д. Мамочка, хоть кончила только сельское училище, но из поэмы Некрасова «Русские женщины» знала очень многое наизусть и передавала нам без книжки¹.

Евдокия Ивановна продолжает: «Бабушку Агафью я помню мало. Она была такая постница, постоянно ходила в церковь, откуда приносила нам вкусные просвирки; иногда она, надев большие круглые очки, читала нам «Жития святых» в огромных толстых четьи минеях. Мы слушали их, как сказки, и они западали нам в душу. Мне запомнилось, как она умирала. Играли мы дети на полу в лодыжки, вдруг нас позвали к бабушке проститься, она перецеловала нас, перекрестила, дала всем

¹ Шемякина Е.И. Жизнь буржуйки. Архив Плесского музея-заповедника. Ф. 3. Оп.1. Д. 82. Л. 1.

по золотому, которые мы сунули потом каждый в свою копилку. Простилась она с приехавшими замужними дочерьми, с мамой и папой, (которого я первый раз видела в слезах), и дедушкой, попросила перенести ее с кровати на кушетку, стоявшую под образами (на перине грешно было по старине умирать), велела читать отходную и тихо скончалась, только все пальцами словно обирала что на себе. Было ей 64 года. Доктор говорил, что она извела себя постом, на одной просвирке была целыми неделями в великий пост. Дедушка и папочка любили хорошо поесть: горячая солонина с хреном и горчицей, малосольная севрюжка, соленые рыжики и грузди с льняным маслом, жареная телятина, летом – окрошка – были их любимые кушанья, да еще пельмени изредка, которые делали мы всей семьей по несколько сот. Сочень делали на яйцах, раскатывали очень тонко, так что иногда просвечивало мясо. Пирожки белые стряпали по воскресеньям, да праздникам»².

Евдокия Ивановна рассказывает об истории своего рода: «Прадедушки наши были государственные крестьяне, крепостными не бывали. Некоторые в роду ходили офенями, потом перешли на хлебную торговлю, ездили на холуйскую пристань в Моршанск, Житомир и другие места. Прежде долги в деревне записывали на дверях, и не было случая, чтобы их не отдавали. Папочка рассказывал нам, как дедушка женился: он смастерил себе крылья и собирался лететь с крыши сарая, его голубчика оттуда стащили и повезли невесту смотреть. Бабушка Агафья была его старше на год. Торговля была у нас хлебная под домом в Шуе на главной площади против пожарной каланчи. Зиму мы проводили в городе, а лето в деревне Тарбаеве в 40 верстах от Шуи. Оттуда был родом дедушка, там был у нас дом, сад, огород и выкупленный крестьянский надел»³.

Из воспоминаний мы узнаем об обстановке дома Турушиных в Шуе. «В Шуе у нас был дом каменный двухэтажный. В нижнем этаже помещалась лавка, контора, палатка, кухня и столовая, в верхнем этаже жилые комнаты. Хорошо было у мамочки в спальне. Перед широким, двойным окном, выходящим на площадь, стоял папочкин письменный стол, на нем бювар для бумаг, мраморный письменный прибор с чугунной фигурой казака на коне. Рядом мамина швейная машинка ножная. В

² Там же. Л. 3.

³ Там же. Л. 4.

углу божница с красивыми иконами, хорошей живописи, в золоченых ризах и без них.

Перед ними часто горела красноватая лампадочка, сбоку стояло зеркальное трюмо, против него комод, на нем свадебная шкатулка и барометр с чугунными фигурами лошадок. Сзади за ширмой – двуспальная кровать, кушетка и умывальник. Из спальни дверь вела в детскую с окнами на двор. Зало было большое круглое, на передней стене висели большие портреты государей Александра I и Александра II и махонький портрет Николая и Александры Федоровны, да побольше – дедушки с бабушкой. На боковых стенах две громадные картины из библейской жизни: «Принесение Исаака в жертву» и «Обручение девы Марии Иосифу», на задней «Князь Серебряный в гостях у боярина Морозова», «Петр Великий на Ладожском озере спасает погибающих».

По стенам венские стулья, между ними два ломберных столика и один побольше – для закуски. Дедушкина и наша девичья комнаты обе с лежанками, выходили окнами на двор. Обстановка в них была самая простая⁴.

Евдокия Ивановна училась в Шуйской женской гимназии и оставила словесные портреты своих учителей. «По арифметике нас учила Анна Васильевна Колуцкая строгая, но справедливая и умеющая объяснить понятно»⁵. «Русский язык я полюбила, когда с нами стал заниматься Владимир Фирстович Юшков. Мы с ним разбирали литературные произведения. Читал он вслух замечательно. Особенно мне помнится в передаче «Полтава» Пушкина. Он научил нас понимать красоту слова и силу выражения. Даже прозу иногда хотелось заучить наизусть. И сам он увлекался, милый, седой, бородатый представительный старик, и часто его уроки захватывали перемены и ни он, ни мы не замечали этого. Был он в высшей степени добродушен, усаживался к нам на пустые парты, мы рисовали мелом крестики на его сюртуке, раз как-то одна шалунья волосы ему сзади подстригла. Был он полная противоположность другому учителю, Михаилу Васильевичу Сперанскому, с которым мы прошли больше классов. Многосемейный человек, забитый нуждой, в чирышках по бритому лицу, Мих. Вас., брызгая в нас слюной, читал сентиментально до смешного и портил красоту стихов. Он требовал от нас зубрежки. Было у нас и по истории два учителя: Семен Иванович Жернин и Алексей Левирьевич Прозоровский. Семен Иванович был

⁴ Там же. Л. 10-11.

⁵ Там же. Л. 11.

специалист по древним языкам, которые он преподавал в мужской гимназии, и история была для него как побочный предмет, он не увлекался ею и нас не увлекал. А вот Алексей Левирьевич, глубоко понимая свой предмет, так захватил меня своим преподаванием, что я бросила любимую математику и выбрала для 8-го класса специальностью историю. Алексей Левирьевич происходил из Вологодской губ., и говор у него был Вологодский: приземистый, смуглый, седоватый с твердою походкой в сюртуке не первой свежести, он часто обкусывал свои ногти. Был он несчастлив в своей семейной жизни и в преподавание вносил любовь к предмету и к нам, его ученицам, как мне казалось. Был у него друг – учитель наш по чистописанию и рисованию Иван Егорович Чернышов, и с ним они жили вместе на одной квартире, человек холостой, впоследствии преподававший со мной в воскресной школе. По геометрии был у нас в 5-м классе учителем Сергей Александрович Култашев с красивой, но немножко нахальной физиономией, дворянин с тонкой талией и черными закругленными усами, которые он часто поправлял длинными розовыми ногтями. Предмет он знал хорошо, ставил мне одни пятерки, но я его не любила, а некоторые из учениц увлекались им. Потом был Семен Николаевич Любимов – этот не знал своего предмета, при решении задач часто путался. По закону Божию сначала преподавал отец Евлампий, добрый к нам священник, а в старшем классе Павел Святозоров, кончивший, кажется, духовную академию и имевший свои печатные труды. Он был горд, сух с нами, пятерки ушли, остались четверки и тройки...»⁶.

Окончив гимназию, Дуня Турушина стала помогать отцу в лавке. «Папа все прихварывал, и я целые дни просиживала там, торговля с 7 до 9 вечера. В воскресенье с 12 до 4. Кассировать я уже привыкла, еще учась, понемногу заменяя папочку в лавке. Большое спасибо дедушке Ивану: уже плохо видевший, зябший от старости, в беличьем халате даже летом, выходил он, побряхтывая и сменял меня по вечерам, говоря: «Пойди, Авдотья, погуляй». Лавка была завалена мешками с пшеничной и ржаной мукой, пшеном, крупой, солодом, сахарным песком. Пшеничная мука была вся с клеймами, по сортам: 1-я голубая, 1-я красная, 2-я голубая, 2-я красная, 3-я голубая, 3-я красная и 4-й сорт. Миткалевые пудовички лежали стопками, как и большие 5 пуд. мешки пшеничной и 4 пуд. ржаной. В ларях в несколько отделений была пшенич-

⁶ Там же. Л. 12-15.

ная мука от 6 коп. до 3 коп. за фут. Ржаная в отдельном сусеке от 80 коп. до 90 коп. за пуд. Крупа ядрица 4 коп., пшено 4 1/2 к. за фунт, а похуже и 3 коп. Были разные фирмы пшеничной муки: Соколова, Бугрова, Башкирова, Шихобалова, Стерлядкина. Соколова самарская ценилась всех выше. В Самарской губ. были лучшие сорта пшеницы. Белый хлеб выходил даже из 2-й красной как папушник и долго не черствел. Стерлядкина из Сызрани была всех подешевле, но тоже не плоха. Кому что требовалось. Очень ходовые были муки Бугрова Якова и Матвея Башкировых из Нижнего. Снижение качества сортов роняло фирму и не допускалось. Были специально крендельные муки. Цены у солидных фирм для розницы были без запроса. При порче муки, окислении, пускали ее дешевле; стоившую 1р. 80 к. пускали по 1р. 40 к., и за ней случались очереди.

Впоследствии и ржаные муки пошли с клеймами. В лавке было сыровато, пыльно и суетно. Я не только подсчитывала на счетах за проданный приказчиками товар, но и выдавала развешенный сахар, чай, дрожжи. Касс-машин тогда не было. Розница у нас была большая, народу набивалось много, приходилось следить, чтобы не ушли без расчета. С крупными покупателями занимался папа в конторе. Трудно было по базарным и в воскресные дни, перед праздниками, масленицей, после дачек фабричных. С приказчиками жила я дружно, на одной ноге была с ними, так же робела папочки, баловалась с ними чайком и черным хлебом с маслом льняным, бак с которым стоял в лавке и пополнялся из бочек, хранившихся в подвале. Из приказчиков ко мне был как-то ближе всех Иван Трифонович Лапцов из деревни, из Столбцов, крепкий, с кудрями в скобочку, мужик лет 45, давно служивший у нас. Он научил меня считать на счетах (ведь в гимназии этому не учили)... Бывало, он не позволит парням при мне ругаться, мигом выставит из лавки. Еще служил у нас мальчик лет 14-15 Никифор Игошин, он находился то в конторе, то в лавке, умный, дотошный паренек, знающий по делу иногда больше старших приказчиков, так как был около папы и главного бухгалтера. Иван Трифоныч всегда прятался за мешки, как увидит, что к нам в лавку идет барыня; не любил с ними заниматься, да и я тоже. «Возьмет-то на грош, а настрекочет...» – и рукой махнет. С барынями занимался другой приказчик с некоторым лоском, угодливый и пофрантоватей. А Иван Трифоныч был всегда в фартуке, настолько промасленным, что он казался кожаным»⁷. «Дедушка, когда поменьше народу, любил посидеть в лавке. Служащие нисколько его не боялись. Самое

⁷ Там же. Л. 16-18.

большее, если он рассердится, то скажет: «А нехай его всячина». Садился он обыкновенно на стуле рядом с мешком с зёрнами и частенько давал их по горсточке маленьким ребяткам, приходившим к нам чаще вечерами с бутылками за льняным маслом по 10 коп. за фунт. Утром, отпирая лавку, выносили большой совок пшена и рассыпали его перед лавкой для голубей. Поэтому на нашем дворе их всегда было много... На мешках валялись связки толстых баранок, которые мы подавали просящим. За ними приходили так называемые «коты», пропившиеся золоторотцы, которым деньгами подавали разве только после усиленных просьб опохмелиться, да и то немногим знакомым уже. Между ними был один разорившийся крупный шуйский торговец, знакомый папе, и к золоторотцам относился папа мягко и, когда свободно, разговаривал с ними. Захаживали и политические или притворяющиеся ими, умеющие поговорить. Мне хотелось подать им побольше, а взять из кассы больше двугривенного боялась и, подавая серебряный рубль, возвращала его из своей копилки. Мне жалование не выдавалось за кассирование. Только при подсчете выручки, если попадался случайно старинный рубль, папочка отдавал его мне; давали понемногу денег на именины, святки, ярмарку, на большие праздники, всем детям. Самой большой наградой за сидение в лавке было обещание папы свозить в Москву, и он его исполнял; раз в год маму, Катю и меня брал с собой в Москву»⁸.

Турушины выезжали и на выставку в Нижний Новгород, где однажды были поселены Бугровым, с которым у Ивана Ивановича были хорошие деловые отношения, в номере на набережной бесплатно⁹.

И.М. и И.И. Турушины большое внимание уделяли общественной деятельности. Евдокия Ивановна вспоминает: «Дедушка, а потом папа, были старостами в соборе, они обновили и расширили [его] большей частью на жертвованные средства. Простой народ шел туда и с радостью, и с горем. Свою глубокую веру в Бога они привили и нам. В Соборе была чудотворная икона Шуйской Смоленской Божьей матери. В праздник её 28 июля был громадный крестный ход. Издалека на него собирались богомольцы. За день до праздника у нас дом, сараи, сеновал, людская и баня наполнялись народом, пришедшим пешком на праздник. Папочка был видным гласным в городе. Придёт иногда с собрания взволнованный, скажет: «Опять себе врагов нажил». А мамочка и

⁸ Там же. Л. 18-19.

⁹ Там же. Л. 20-21.

ответит: «А ты бы «моя изба с краю, ничего не знаю», и не было бы неприятностей». «Это по-твоему так, а я должен защищать городские интересы»¹⁰.

Дуня Турушина одно время была влюблена в Мишу Бальмонта. О его родителях у нее сложилось не очень хорошее мнение, основанное, по-видимому, на отношении к ним отца: «Миша был один из 5-ти сыновей председателя Шуйской земской управы. Мать его была здоровая, грубая бой-баба, по выражению папы, а отцу его нельзя было мешка ржаной муки доверить в долг»¹¹.

Дуня Турушина была дружна с семьей Серебрянниковых, и с радостью стала помогать Татьяне Михайловне Серебрянниковой, задумавшей открыть в Шуре бесплатную воскресную школу. Она вспоминает: «Иван Егорыч Чернышов выразил желание преподавать в ней; отец Пётр, наш духовник, и впоследствии Густя Толчевская занимались недолго. Помещение нам отвели в училище, материально поддерживал фабрикант Михаил Васильевич Рубачев, одинокий, холостой, дальний родственник Толчевских. Как нужда случится, к нему обращались. Посмеивались надо мной, что мне стоит только попросить его, он и раскошелится. Человек он был развитой, побывавший за границей. Любил подойти ко мне в клубе, посидеть со мной и рассказать о своих путешествиях. Наружностью он очень походил на Гончарова. В школе у меня была группа безграмотных взрослых или знающих очень немного, выучивались довольно быстро. На Рождество устраивали литературный вечер с угощением, и я на нем выступала с чтением стихов»¹².

В 1901 году Евдокия Ивановна Турушина вышла замуж за кинешемского купца, плесянина по происхождению, Василия Ивановича Шемякина и переехала жить к нему в Кинешму. Она уже оторвана от родного дома, но переживает за своих родных. В ходе первой мировой войны начались перебои с хлебом, которые вызвали и в Кинешме, и в Шуре народные волнения. Евдокия Ивановна вспоминает: «Приезжаю в Шую и первым, кто меня встретил, была Люда (жена Саши) [вдова убитого на войне брата. – от автора]: «Забирайте папу с мамой и отправляйтесь назад в Кинешму». Я ничего не могла сообразить, что такое случилось. Оказалось, что накануне громадная толпа народу собралась на базар-

¹⁰ Там же. Л. 31.

¹¹ Там же. Л. 26.

¹² Там же. Л. 29-30.

ной площади, ходила по лавкам, искала хлебных запасов. Привалила и к нашему дому. Толпа была возбужденная, много неладного говорилось. Про одних купцов кричали: «Задушим их, убьем...», – про папу: «Ему только глаза выколем, у него сын убит на войне». Другие кричали, что не его хоронили, он в плену, что обман был. Рассказывали мне, что папа вышел к народу на [...] при лавке и сказал, чтобы выбрали человек 5, всем же нельзя идти обыскивать, и чтобы они осмотрели всё. Из толпы выступил один из вожakov. Ему папа объяснил положение, показал остатки, счета и телеграммы, объяснил, что в Кинешме было куплено два вагона муки, но запоздали с приходом: не отправляла железная дорога. Это не наша вина. Внимательно выслушав папу, вожак объявил об этом народу. Толпа поуспокоилась. Ворвались только бабы, лазали в подвалы, на сеновалы, в конюшни, от складов дали им ключи, были в саду, где протыкали землю. Ну, конечно, ничего не нашли, потому что нечего было найти. Папа сам указал оставшуюся муку в лавке, высыпана была для себя и служащих, и ту обещал давать по 10 фунт. Папа говорил про баб, что их неволя заставила бунтовать: «Пойдешь, как жрать-то нечего станет!» Он заявлял в Городской управе, что уже немного остается муки, ему не верили, толкался туда-сюда, но вагонов не давали. Папу возмутил при обыске один полицейский, который сам орал, что «у них припрятано небось». Хотел папа составить на него протокол, да уж не до этого было, да и подумал, что он сам верит в то, что говорит. Папа говорил, что вожди лучше толпы, и будто один сказал ему: «Я знаю, что вы честный человек, Иван Иванович!» У нас связывают это с именем Фрунзе, но так ли это, не знаю. Но нет дыма без огня. Видит Бог, что я не из своей головы это выдумываю»¹³.

¹³ Там же. Л. 63-65. От ответственного редактора. Упоминание о М.В. Фрунзе, находившемся с августа 1915 года, после побега из ссылки, на нелегальном положении и не поддерживавшем связи с Шуей, объясняется тем, что зимой 1907 года он выступал на «хлебном митинге», собравшемся на Ильинской площади с целью протеста против проектировавшегося повышения цен на хлеб. В.О. Броун вспоминал: «На этом митинге, где было несколько тысяч рабочих, выступал шуйский городской голова – купец Китаев. Его речь была крайне бессвязной и противоречивой. Арсений разбил в пух и в прах его смехотворные доводы, вскрыл истинные причины удорожания жизни...» (ШИХММ. Оф. Л.д. В.О. Бруна. № 2843. Машинопись «Воспоминания о М.В. Фрунзе»). Вероятно, память об этих событиях сохранялась в Шуе достаточно долго, и в обстоятельствах других хлебных волнений вновь зазвучало имя Фрунзе.

Евдокия Ивановна сообщает, что вскоре после революции Иван Иванович Турушин умирает¹⁴, и более не возвращается к описанию Шуи и ее жителей.

¹⁴ Там же. Л. 93.